СБОРНИКЪ СТАТЕЙ,
ЧИТАННЫХЪ
ВЪ ОТДѢЛЕНІИ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Томъ I, № 4.

ХАРАКТЕРИСТИКА ДЕРЖАВИНА,

КАКЪ ПОЭТА.

ПУБЛИЧНОЕ ЧТЕНІЕ

АКАДЕМИКА Я. К. ГРОТА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ, 1866.
ВЪ ТИПОГРАФІИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
(В. О., 9 линія, № 12.)

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ. Санкт-Петербургъ, 20 Іюля 1866 года.

Непремѣнный Секретарь, Академикъ *К. Веселовскій*

Есть въ прошедшемъ явленія, которыя кажутся дотого знакомыми, такъ полно изученными, что возвращаться къ нимъ, повидимому, излишне. Но такой взглядъ угрожаетъ критикѣ односторонностью и предубѣжденіемъ. Историческое безпристрастіе не боится смотрѣть на каждый фактъ прямо и открыто, какъ будто бы онъ въ первый разъ возникалъ передъ нами. И именно тогда, когда вслѣдствіе случайныхъ обстоятельствъ распространится въ обществѣ извѣстный взглядъ на явленіе минувшаго, всего нужнѣе бываетъ подвергнуть его новому анализу. Такимъ явленіемъ представляется въ настоящее время Державинъ. Случайнымъ обстоятельствомъ этого рода въ отношеніи къ нему было недавнее изданіе его *Записокъ*, въ эпоху самую неблагопріятную для спокойной оцѣнки отжившихъ дѣятелей. При этомъ случаѣ въ большей части нашихъ журналовъ произнесенъ былъ безпощадный приговоръ всей дѣятельности Державина, его литературному и гражданскому значенію, даже его поэтическому таланту. Здѣсь не мѣсто касаться настоящихъ причинъ такой строгости; довольно замѣтить, что по поводу загробныхъ Записокъ Державина въ литературѣ возбуждено было противъ него предубѣжденіе, которое отчасти продолжается еще и теперь. Это доказываютъ, между прочимъ, взводимыя на него голословныя обвиненія по дѣлу Радищева, тогда какъ изъ напечатанныхъ недавно документовъ можно извлечь относительно Державина одно только положительное свѣдѣніе, что Радищевъ доставилъ ему черезъ Козодавлева экземпляръ своей книги. Затѣмъ все остальное,

будто бы поэтъ поднесъ этотъ экземпляръ съ своими замѣчаніями Императрицѣ и проч., основано на однѣхъ догадкахъ и слухахъ, которые, при ближайшемъ изслѣдованіи, оказываются очень сомнительными.

Какъ бы ни было, толки и нападенія подобнаго характера не вызываются предметами, лишенными интереса и значенія. Интересъ, соединенный съ изученіемъ Державина, давно побудилъ насъ заняться подробнымъ пересмотромъ его жизни, трудовъ и значенія. Такой пересмотръ оказался необходимымъ, когда толки, возбужденные Записками Державина, обратили на него общее вниманіе. Теперь, съ выходомъ третьяго тома издаваемыхъ Академіею сочиненій этого писателя, всѣ *поэтическія* произведенія его находятся въ рукахъ публики, и намъ кажется своевременнымъ попытаться охарактеризовать его, какъ поэта.

Между русскими писателями 18-го вѣка Державинъ есть одно изъ самыхъ живыхъ лицъ. Это не Херасковъ или Петровъ, писанія которыхъ отталкиваютъ своею безжизненностью. Въ Державинѣ жила кипучая сила, ознаменовавшаяся дѣятельностью не только разнообразною, но и чрезвычайно производительною. Масса того, что онъ успѣлъ написать въ свой долгій, но и тревожный вѣкъ, изумительна. Это одинъ изъ наиболѣе плодовитыхъ русскихъ писателей. Вотъ первая трудность полнаго изученія Державина. Другая причина, почему критикѣ не легко установить свой взглядъ на него, заключается въ разнородности его сочиненій, какъ по содержанію, такъ и по достоинству. Превосходное смѣшано у него не только съ посредственнымъ, но и съ дурнымъ, и потому вѣрная оцѣнка его требуетъ совершеннаго безпристрастія. Естественно, что въ сужденія о такомъ писателѣ должно входить много субъективнаго: каждый судитъ о немъ по тѣмъ изъ своихъ впечатлѣній, которыя оказываются сильнѣе; одинъ болѣе поражается красотами его, другой — недостатками, и на этомъ основаніи каждый произноситъ о немъ приговоръ, по преимуществу положительный или отрицательный. Не отъ того ли происходитъ отчасти и различіе между взглядомъ на Держа-

вина современниковъ и значительной части нынѣшнихъ его читателей? Старики видѣли въ немъ одно хорошее, внуки ихъ замѣчаютъ одно дурное. И это очень понятно: справедливость требуетъ прямо допустить, что поэзія Державина представляетъ много такого, чему новое время не можетъ сочувствовать. Намъ прежде всего несочувственны духъ и цѣль оды 18-го столѣтія, съ которой неразлучно восхваленіе лицъ, легко впадающее въ угодливость и лесть изъ корыстныхъ видовъ. Но намъ несочувственна и самая форма этой оды, — главная изъ тѣхъ формъ, въ которыя отливались созданія Державина. Сама по себѣ ода, какъ проявленіе высшаго лиризма, не есть ложный родъ поэзіи и можетъ быть свойственна всѣмъ временамъ; но характеръ и форма ея должны видоизмѣняться по требованіямъ каждой эпохи. Литература, вмѣстѣ съ жизнію, постоянно стремится къ упрощенію формъ, отвергая все искусственное, всякую ложь, всякое излишество, всякое незаконное стѣсненіе. Свобода и простота во всѣхъ отправленіяхъ жизни — вотъ одна изъ главныхъ задачъ новаго времени. Правда, что ода Державина вовсе не похожа на другія тогдашнія оды; что онъ, избравъ темою какое-нибудь событіе, съ изумительной свободой раздвигаетъ свою рамку и отъ частнаго съ необычайной силой воображенія и мысли переходитъ къ общему. Правда, что онъ торжественный и важный тонъ оды смѣняетъ шуточнымъ и забавнымъ, что онъ къ похвалѣ примѣшиваетъ тонкую и остроумную сатиру. Но справедливо однакожъ и то, что въ одахъ его рядомъ съ глубоко-поэтическими красотами встрѣчается много риторическаго паѳоса, что онѣ вообще не выдержаны и часто слишкомъ длинны, что поэтъ иногда послѣ необыкновеннаго возвышенія вдругъ падаетъ; что языкъ его доходитъ мѣстами до величайшей небрежности, что онъ тогда не можетъ совладать ни съ стихомъ, ни съ языкомъ. При такихъ неровностяхъ исчезаетъ все, что могло бы еще мирить насъ съ искусственностью оды, исчезаетъ стройность формы, гармонія звуковъ и правильность языка.

Неровность языка составляетъ одно изъ загадочныхъ явленій

въ нашемъ поэтѣ. Съ одной стороны, намъ кажется страннымъ, какъ человѣкъ, вовсе не знающій, ни грамматики, ни орѳографіи, часто достигаетъ такой пластичности выраженія, такого плавнаго и легкаго стиха, такой ловкой и звучной поэтической фразы, какія свойственны только мастеру дѣла. Съ другой стороны, насъ поражаетъ его тяжелая, запутанная, неуклюжая проза; наконецъ, рядомъ съ совершеннымъ невѣдѣніемъ теоріи слова у него является удивительное богатство матеріала изо всѣхъ сферъ языка: изъ церковно-славянскаго, изъ русскаго книжнаго, изъ простонароднаго, и даже изъ областныхъ нарѣчій. Такимъ образомъ, онъ представляетъ блистательное исключеніе изъ высказаннаго Сумароковымъ правила:

«Нельзя, чтобъ тотъ себя письмомъ своимъ прославилъ,
Кто грамматическихъ не знаетъ свойствъ и правилъ».

Противорѣчія, замѣчаемыя въ стихотворномъ языкѣ Державина, объясняются тѣмъ, что онъ, обладая изумительнымъ природнымъ чутьемъ, вообще отличающимъ талантъ, могъ удачно побѣждать трудности версификаціи только тогда, когда былъ окрыленъ вдохновеніемъ, но, никогда не вникавъ въ разнообразныя формы и законы языка, не умѣлъ совладать съ нимъ въ обыкновенномъ, какъ бы будничномъ настроеніи духа. Точно такъ же онъ вовсе не имѣлъ понятія о законахъ художественно стипоэтическаго произведенія, и отъ того-то проистекаетъ господствующее въ его одахъ отсутствіе выдержанности и изящества. Эти два существенные недостатка его стихотвореній, неровность языка и слабость художественнаго элемента, всегда останутся тѣнями въ его поэтической славѣ.

Но нашъ взглядъ на писателя другой эпохи никогда не будетъ вѣренъ, если мы, увлекаясь только требованіями настоящаго, не будемъ умѣть стать твердо на почву исторической критики. Посмотримъ теперь, чѣмъ Державинъ былъ для своихъ современниковъ.

Конечно, тогдашнее общество сознавало живую его связь съ

собою: иначе оно не могло бы такъ глубоко сочувствовать его поэзіи. Потомкамъ трудно представить себѣ неимовѣрную славу, какою Державинъ пользовался въ свое время. Послѣ Ломоносова въ русской литературѣ только и было два писателя, къ которымъ такъ чутко и восторженно прислушивалось общество: Державинъ и Пушкинъ. Всякое новое произведеніе ихъ переписывалось тысячами рукъ, быстро разносилось въ отдаленнѣйшіе концы Россіи и выучивалось наизусть; часто даже и напечатанные стихи ихъ продолжали распространяться въ спискахъ. Державинъ еще и въ царствованіе Императора Александра I пользовался прежнимъ сочувствіемъ. Когда въ 1804 году онъ переслалъ въ Москву извѣстному графу Мусину-Пушкину оттискъ своей только-что отпечатанной *Колесницы*, тотъ писалъ къ нему: «Напрасно не поставили вы своего имени; всѣ тѣ, которые у меня оную читали, единогласно сказали, что это вашего пера. Копій столько писецъ мой писалъ по требованіямъ желающихъ, что думаю, онъ знаетъ ее теперь наизусть». Въ современныхъ поэту періодическихъ изданіяхъ и рукописныхъ сборникахъ встрѣчается безчисленное множество стиховъ, которыхъ предметомъ онъ, его талантъ, его громадная слава, наконецъ его достоинства и заслуги: справедливость, любовь къ добру и къ человѣчеству. Многіе изъ лучшихъ людей эпохи платили дань удивленія Державину: не говоря о самой Екатеринѣ, которая съ большою разборчивостью отличала достоинство, не говоря о Потемкинѣ, Суворовѣ и другихъ, которые могли быть пристрастны, можно назвать Дашкову, Львова, Хемницера, Капниста, Карамзина, Дмитріева, Озерова, Храповицкаго и многихъ другихъ, оставившихъ несомнѣнныя свидѣтельства своего глубокаго уваженія къ Державину.

Поэтому любопытно изслѣдовать, что̀ именно въ такой степени влекло къ нему современниковъ, почему они такъ понимали и цѣнили его. Необходимо всмотрѣться, дѣйствовали ли на нихъ вѣчные, не старѣющіеся элементы поэзіи, или только случайные интересы минуты, теряющіе цѣну для потомства.

Когда началась литературная извѣстность Державина, прошло уже около 20 лѣтъ съ воцаренія Екатерины: уже давно славился ея *Наказъ*, учреждены были банки и воспитательные домы, присоединена Бѣлоруссія, заключенъ миръ въ Кучукъ-Кайнарджи, устраивались намѣстничества. Государыня успѣла уже поразить воображеніе своихъ подданныхъ блескомъ славныхъ дѣлъ и внушить имъ довѣріе къ ея мудрости и величію; уже чувствовался кроткій и благотворный духъ ея царствованія. Много было попытокъ воздать ей стихами заслуженную хвалу; но всѣ эти напыщенныя оды, не имѣвшія никакого отношенія къ жизни, оставались незамѣченными. Тогда-то раздался голосъ поэта, который облекъ въ живое, игривое слово то, что многіе чувствовали, но не умѣли выразить. Въ *Фелицѣ* воплотилась геніальная Екатерина не только со всѣмъ своимъ величіемъ, но и со всею своей глубокою человѣчностью, съ своими либеральными воззрѣніями и цѣлями, съ своею снисходительной привѣтливостью, съ своими литературными занятіями въ тиши царственнаго кабинета. Притомъ она явилась тутъ не одна, но во всемъ блестящемъ своемъ окруженіи, въ средѣ своихъ пышныхъ и прихотливыхъ вельможъ. Въ описаніи ея и ихъ образа жизни, въ тонѣ обращенія поэта къ сильнымъ міра, обитающимъ на высотахъ, считавшихся недосягаемыми, было столько новаго и смѣлаго, что образованное общество съ восторгомъ привѣтствовало появленіе необыкновеннаго таланта.

Но *Фелица* имѣла еще и другое, чисто-литературное значеніе. Незадолго передъ тѣмъ начали слышаться выходки противъ тяжелыхъ, бездушныхъ одъ, которыя наводняли литературу; уже ощущалась потребность чего-нибудь болѣе живаго, и *Фелица* явилась неожиданнымъ отвѣтомъ на эту потребность. Шуточно-сатирическій тонъ этой оды, простой языкъ ея и легкій, естественный стихъ были такъ поразительны, что произведенное ею впечатлѣніе можетъ быть сравнено развѣ только съ тѣмъ, какое ода Ломоносова на взятіе Хотина произвела на его современниковъ своимъ новымъ размѣромъ и складомъ.

Но самымъ существеннымъ условіемъ успѣха *Фелицы* была та искренность, которую въ ней почувствовали, и это свойство, безъ котораго немыслимо полное торжество таланта, сдѣлалось одною изъ отличительныхъ принадлежностей поэзіи Державина. Безъ искренняго чувства онъ не могъ воодушевляться; тогда ни одинъ писатель не становился такъ безсиленъ, какъ Державинъ. Однихъ житейскихъ побужденій было недостаточно, чтобы дать крылья его таланту; оды *Изображеніе Фелицы* и *На восшествіе на престолъ Императора Павла* предпринялъ онъ, какъ самъ сознается, съ тѣмъ, чтобы поправить свое положеніе, но онѣ удались ему только потому, что онъ дѣйствительно чувствовалъ то, что говорилъ. Напротивъ, когда Императрица приблизила его къ себѣ, сдѣлавъ его своимъ секретаремъ, когда для него была бы особенно выгодна роль придворнаго пѣвца, тѣмъ болѣе, что сама Екатерина не разъ вызывала его писать стихи въ родѣ *Фелицы*, онъ не въ состояніи былъ создать ничего подобнаго, потому что, какъ самъ говоритъ, приближеніе ко двору, гдѣ онъ увидѣлъ передъ собой игру человѣческихъ страстей, охладило его и онъ уже «почти ничего не могъ написать горячимъ, чистымъ сердцемъ въ похвалу Государыни». Тогда-то вырвалось у него четырестишіе:

Поймали птичку голосисту
И ну сжимать ее рукой.
Пищитъ бѣдняжка вмѣсто свисту,
А ей твердятъ: Пой, птичка, пой!

Придворнымъ стихотворцемъ въ собственномъ значеніи этого слова Державинъ никогда не былъ и не могъ быть. Правда, что духъ современной ему литературы и самыя обстоятельства сильно влекли его въ сферу подобной дѣятельности; но тому противились, съ одной стороны, сила и самобытность его таланта, а съ другой — энергическій его характеръ, въ которомъ сама Екатерина замѣчала *строптивость*. Когда онъ, управляя Тамбовскою губерніей, поссорился съ генералъ-губернаторомъ Гудовичемъ, то

попалъ подъ судъ; но послѣ былъ оправданъ, и на аудіенціи у Императрицы въ Царскомъ Селѣ благодарилъ ее за правосудіе. «Она, подавъ руку, сказала, что не за что»; потомъ, вступивъ съ нимъ въ нѣкоторыя объясненія по его дѣлу, спросила: «Но не имѣете ли въ нравѣ вашемъ чего нибудь строптиваго, что ни съ кѣмъ не уживаетесь?» — Я служилъ съ самаго простаго солдатства и потому, знать, умѣлъ повиноваться, когда дошелъ до такого чина. — «Но для чего же раздорилъ съ Тутолминымъ» (Олонецкимъ генералъ-губернаторомъ)? — Онъ издалъ свои законы, а я присягалъ исполнять только Ваши. — «Для чего же разошелся съ Вяземскимъ?» — Онъ началъ насмѣхаться надо мной и притѣснять за написанную мною похвалу Фелицѣ. — «А для чего не поладилъ съ Гудовичемъ?» — Онъ не рачилъ о Вашихъ интересахъ, о чемъ я хочу бумаги представить. — «Хорошо, опослѣ: я дамъ тебѣ твое жалованье и опредѣлю тебя къ другому мѣсту.»

Хвалебное стихотворство, какимъ оно является при разныхъ европейскихъ дворахъ прошлаго столѣтія, отличается холодною напыщенностью и бездушною сухостью. Поэзія Державина почти всегда остается чуждою этого характера, и если нѣкоторыя изъ его одъ по направленію дѣйствительно подходятъ подъ этотъ разрядъ стихотворства, то по разсѣяннымъ въ нихъ истиннымъ красотамъ поэзіи онѣ носятъ однакожъ печать самостоятельныхъ созданій. Слѣдуетъ замѣтить, что въ отношеніи почти ко всѣмъ фаворитамъ Екатерины Державинъ хранилъ молчаніе. Даже Потемкина, при жизни его, онъ хвалилъ мало; въ Платонѣ Зубовѣ онъ похвалилъ его музыкальный талантъ, и привѣтствовалъ этого вельможу за ласковый пріемъ въ его домѣ. Валеріанъ Зубовъ внушилъ ему стихи своимъ несчастіемъ въ Польшѣ и подвигомъ въ Персіи: Державинъ искренно уважалъ его, какъ человѣка. Надъ Завадовскимъ, напротивъ, онъ позволилъ себѣ разныя шутки въ одѣ *На счастіе*. О другихъ любимцахъ нѣтъ и помину въ его стихахъ. Нельзя также забыть, что Суворова и Валеріана Зубова онъ продолжалъ воспѣвать въ то время, когда

они были въ немилости, и въ какую же эпоху? въ царствованіе Императора Павла. Когда, при его восшествіи на престолъ, этотъ графъ Зубовъ былъ внезапно отозванъ изъ Персіи, князь С. Ѳ. Голицынъ, встрѣтясь съ Державинымъ при дворѣ, иронически замѣтилъ, что теперь онъ уже не напишетъ стиховъ въ честь опальнаго. Вы увидите, возразилъ Державинъ, и возвратясь домой, написалъ одну изъ прекраснѣйшихъ своихъ одъ, которая, правда, оставалась долго ненапечатанною, однако тогда же сдѣлалась извѣстною въ спискахъ. Привѣтствуя Императора Павла при его воцареніи, Державинъ былъ искренно оживленъ надеждами, которыя съ нимъ раздѣляли всѣ, видя благія намѣренія и первыя дѣйствія новаго государя.

Впрочемъ поэтъ самъ сознавалъ затруднительное положеніе тогдашняго русскаго лирика. Пріятель его, статсъ-секретарь Храповицкій въ дружескомъ посланіи упрекнулъ его за то, что онъ хвалилъ иногда недостойныхъ, при чемъ указалъ особенно на Потемкина и на Зубовыхъ.

«Достойны громкихъ славы звуковъ
Пожарскій, Мининъ, Долгоруковъ
И за Дунаемъ храбрый Петръ;
Но Зубовыхъ дѣла не громки,
И спрячь Потемкиныхъ въ потемки:
Какъ пузырей, ихъ свѣетъ вѣтръ».

Державинъ въ отвѣтѣ своемъ говоритъ чистосердечно:

Страха скованнымъ цѣпями
И рожденнымъ подъ жезломъ,
Можно ль орлими крылами
Къ солнцу намъ парить умомъ?
А хотя бъ и возлетали,
Чувствуемъ ярмо свое.
Должны мы всегда стараться,
Чтобы сильнымъ угождать,

Ихъ любимцамъ поклоняться,
Словомъ, взглядомъ ихъ ласкать.
Рабъ и похвалить не можетъ:
Онъ лишь можетъ только льстить!

Замѣтимъ однакожъ, что не только упрекъ Храповицкаго былъ не вполнѣ справедливъ, но и приведенный имъ примѣръ неудаченъ. Платона Зубова Державинъ не хвалилъ за его дѣла, а въ одѣ *На умѣренность* высказалъ даже нѣсколько суровыхъ совѣтовъ этому вельможѣ, который, по его словамъ, хотя и имѣлъ многія любезныя качества, но былъ неумѣренно гордъ и скрытенъ. На-примѣръ онъ ему говорилъ:

Умѣй быть безъ обиды скроменъ,
Осанистъ, твердъ, но не гордецъ,
Рѣшимъ безъ скорости, спокоенъ,
Безъ хитрости ловецъ сердецъ.
Вздувъ въ ясномъ паруса лазурѣ,
Умѣй ихъ не сронить и въ бурѣ.

Т. е., объясняетъ Державинъ, умѣй при несчастіи быть твердымъ; но, прибавляетъ онъ, «Зубовъ сего качества не имѣлъ, и когда взошелъ на престолъ Императоръ Павелъ, онъ такъ струсилъ, что жалко было на него смотрѣть».

Совсѣмъ иначе относился Державинъ къ Потемкину. Своимъ *Водопадомъ* онъ воплотилъ въ величественный и вѣчный образъ свое глубоко-поэтическое пониманіе этого необыкновеннаго человѣка, который еще далеко не разъясненъ исторіей, но котораго Екатерина конечно не даромъ такъ высоко цѣнила, который не даромъ сохранилъ до конца полную ея довѣренность и оставался во всѣхъ обстоятельствахъ ея совѣтникомъ — «Рѣшитель думъ въ войнѣ и мирѣ, могущъ, хотя и не въ порфирѣ».

Не ты ли, Счастья, Славы сынъ,
Великолѣпный князь Тавриды, —

Не ты ли съ высоты честей
Незапно палъ среди степей?
Не ты ль, который взвѣсить смѣлъ
Мощь Росса, духъ Екатерины,
И опершись на нихъ, хотѣлъ
Возвесть твой громъ на тѣ стремнины,
На коихъ древній Римъ стоялъ
И всей вселенной колебалъ?
. . . . . .
Потухъ лавровый твой вѣнокъ,
Гранена булава упала,
Мечъ въ полножны уйти чуть могъ...
Екатерина возрыдала!

Въ этой удивительной одѣ Державинъ проявилъ во всей полнотѣ именно ту сторону своего духа, въ которой главнымъ образомъ заключалась тайна его могущественнаго дѣйствія на современниковъ. *Пѣвцомъ величія* назвалъ его Гоголь, и это слово глубоко-вѣрно. Такимъ является Державинъ въ двухъ отношеніяхъ: какъ истолкователь великихъ обще-человѣческихъ идей и какъ провозвѣстникъ величія Россіи и русскаго народа.

Если обратимся къ общимъ направленіямъ 18-го столѣтія, то найдемъ, что важная дума о человѣкѣ, о его отношеніи къ высшему міру и положеніи въ здѣшнемъ составляла вездѣ одну изъ господствующихъ темъ литературы и искусства. Это настроеніе проникло и къ намъ, но тогда какъ у другихъ русскихъ писателей оно порождало только скучное прозаическое нравоученіе, оно же у Державина становилось основою сильнаго и глубокаго лиризма. Даже и изъ лириковъ другихъ націй не было ни одного, который бы такими рѣзкими чертами, въ такихъ потрясающихъ картинахъ умѣлъ выставлять противоположность между роскошью земныхъ наслажденій и ихъ непрочностью, и вмѣстѣ такъ осязательно изображать высоту духовной нашей природы.

Насъ не должно поражать, что Державинъ въ дѣйствительной жизни самъ не всегда удовлетворяетъ требованіямъ высшаго

нравственнаго закона. Въ немъ живутъ какъ бы *два человѣка*: одинъ въ минуты творчества, съ величавымъ, недосягаемымъ идеаломъ человѣческаго достоинства, другой — въ треволненіяхъ житейской суеты, со всѣми страстями человѣческой природы. Эту двойственность поэта прекрасно выразилъ Пушкинъ, сознававшій ее въ самомъ себѣ; и къ Державину, столько же какъ къ нему самому, примѣняется сказанное имъ о поэтѣ, поглощаемомъ прозою жизни:

«Молчитъ его святая лира,
Душа вкушаетъ хладный сонъ,
И межъ дѣтей ничтожныхъ міра,
Быть можетъ, всѣхъ ничтожнѣй онъ.»

Зная исторію дѣтства и юности Державина, мы недоумѣваемъ, какъ могъ развиться такой высокій идеалъ въ человѣкѣ, который не получилъ почти никакого воспитанія и провелъ лучшій возрастъ въ самомъ дурномъ обществѣ, — сперва рядовымъ, въ низшей полковой сферѣ, а потомъ офицеромъ, въ омутѣ разврата, въ праздности, карточной игрѣ и разгулѣ всякаго рода. Но здѣсь мы находимъ и разгадку явленія. Изъ гибельной борьбы страстей эта сильная натура вышла съ торжествомъ, благодаря глубоко запавшимъ въ молодую душу урокамъ жизни. Проведя дѣтство въ средѣ благочестивой русской семьи, въ деревнѣ, онъ навсегда вынесъ оттуда самыя благотворныя впечатлѣнія. Десяти лѣтъ отъ роду онъ уже лишился отца. Нужда и притѣсненія, съ которыми пришлось бороться его матери, сильно подѣйствовали на его душу. Эти-то связи съ родительскимъ домомъ удержали поэта на краю бездны, у которой онъ стоялъ, когда 27-ми лѣтъ отъ роду жилъ по службѣ въ Москвѣ: негодуя на самого себя, онъ наконецъ рѣшился воспрянуть изъ грязи порока, и свое примиреніе съ совѣстью запечатлѣлъ неизвѣстными доселѣ стихами *Раскаяніе*, въ которыхъ сознается, что онъ уже

Повѣса, мотъ, буянъ, картежникъ очутился—
Порочной жизнію талантъ свой погубилъ;

Презрѣнъ теперь отъ всѣхъ, отъ всѣхъ уничижаемъ...
О городъ роскоши, распутства и вреда!
Ты людямъ молодымъ и горесть и бѣда:
Отдай скорѣй, прошу, отдай свободу мнѣ!

Наконецъ, говоритъ онъ въ своихъ *Запискахъ*, «возгнушавшись самъ собою, онъ взялъ у пріятеля матери своей 50 руб., бросился въ сани и поскакалъ безъ оглядки въ Петербургъ».

Это дорого-купленное нравственное перерожденіе отразилось въ поэзіи Державина религіознымъ ея направленіемъ въ послѣдующее время. Самымъ рѣшительнымъ выраженіемъ этого направленія была его ода *Успокоенное невѣріе*, которая, по собственнымъ его словамъ, первая обратила на него вниманіе любителей литературы. Такимъ образомъ, и въ области духовной лирики, въ которой вѣнцомъ его славы сдѣлалась впослѣдствіи ода *Богъ*, Державинъ собственнымъ опытомъ выстрадалъ свое творчество, и здѣсь мы опять встрѣчаемся съ тою искренностью, на которую уже было указано, какъ на одно изъ существенныхъ свойствъ его духа, и о которой самъ онъ говоритъ въ своемъ *Признаніи*:

Я любилъ чистосердечье,
Думалъ нравиться лишь имъ:
Умъ и сердце человѣчье
Были геніемъ моимъ.

Объ одѣ *Богъ* въ наше время судили различно. Съ своей стороны замѣчу только, что причины ея безпримѣрнаго успѣха должно искать въ силѣ ея лирическаго полета, глубинѣ религіознаго убѣжденія и величіи начертанныхъ въ ней образовъ. Сравнивъ оду *Богъ* съ лучшими произведеніями другихъ европейскихъ литературъ въ томъ же родѣ, мы будемъ невольно поражены ея превосходствомъ со стороны быстроты движенія, высоты лиризма и поражающей картинности.

Потрясая своихъ современниковъ, какъ защитникъ Божіей

правды на землѣ, Державинъ не менѣе возбуждалъ ихъ сочувствіе пламеннымъ изображеніемъ величія судебъ Россіи, ея исполинской силы и обширности, ея грознаго торжества надъ всѣми врагами. То была пора гордаго юношескаго самосознанія русскаго общества, и Державинъ сдѣлался органомъ этого сознанія, или вѣрнѣе, самочувствія. Какъ глубоко и твердо вѣритъ онъ въ несокрушимость Россіи, въ высокое назначеніе русскаго народа, и особенно, — что̀ весьма замѣчательно, — въ призваніе его дать миръ Европѣ (*Афету*):

Афету миръ? О трудъ избранный,
Достойнѣйшій его дѣтей,
Великими людьми желанный!
Свершишься ль ты средь нашихъ дней?

Такъ восклицаетъ поэтъ во время второй турецкой войны, въ 1790 году.

Доколь, Европа просвѣщенна,
Съ перуномъ будешь устремленна
На кровныхъ братіевъ своихъ?
Не лучше ль внутрь раздоръ оставить
И съ Россомъ грудь одну составить
На общихъ супостатъ твоихъ?

Рѣчь идетъ о Турціи. Тогдашнимъ фазисомъ Восточнаго вопроса былъ *Греческій проектъ*, любимая мечта Потемкина:

За нимъ златая колесница
По розовымъ летитъ зарямъ;
Сѣдящая на ней царица,
Великимъ равная мужамъ,
Рукою держитъ крестъ одною,
Возжженный пламенникъ другою
И сыплетъ блески на Босфоръ:
Уже отъ сѣвернаго свѣта

Лицо блѣднѣетъ Магомета
И мрачный отвратилъ онъ взоръ.
. . . . . .
Пусть только умъ Екатерины,
Какъ Архимедъ, создастъ машины,
А Россъ вселенной потрясетъ! —
Чего не можетъ родъ сей славный,
Любя царей своихъ, свершить?
Умѣйте лишь, главы вѣнчанны,
Его безцѣнну кровь щадить.
Умѣйте дать ему вы льготу,
Къ дѣламъ великимъ духъ, охоту
И правотой сердца плѣнить.
Вы можете его рукою
Всегда, войной и не войною,
Весь міръ себя заставить чтить.

Для таланта Державина было особеннымъ счастьемъ, что пора полнаго его развитія совпала съ царствованіемъ Екатерины. Въ этотъ героическій вѣкъ русской имперіи событія и люди своими исполинскими размѣрами именно соотвѣтствовали смѣлости этой оригинальной фантазіи, размаху этой широкой, своенравной кисти. Въ тогдашней Россіи на всѣхъ поприщахъ дѣятельности встрѣчаются лица, которыя, при всемъ разнообразіи своихъ физіономій, представляютъ одну черту общаго сходства: это — ихъ рѣзкія особенности, дающія имъ какъ бы типическій характеръ. Орловы, Потемкинъ, Суворовъ, Безбородко и другіе, — все это чрезвычайно оригинальныя, своенравно обозначившіяся личности, въ которыхъ слабости также рѣзки, какъ и достоинства: во всѣхъ ихъ много поразительнаго, страннаго, загадочнаго для насъ, людей 19-го вѣка. Всѣ эти своеобразныя лица, вмѣстѣ съ громадными событіями, въ которыхъ они участвовали, прошли сквозь призму поэзіи Державина, и мысль, не разъ уже выраженная, что въ созданіяхъ его живетъ цѣлая

эпопея чудной эпохи, совершенно справедлива. Если для таланта Державина было счастіемъ жить въ вѣкъ Екатерины, то съ другой стороны и это время могло гордиться появленіемъ поэта, призваннаго увѣковѣчить его въ образахъ. Но не одни герои встаютъ у него, какъ живые: онъ сохранилъ намъ очертанія и многихъ лицъ совершенно другаго характера. Возьмемъ хоть графа А. С. Строганова и Льва Нарышкина: какъ выразительны у него ихъ фигуры, особенно дышащее веселостью изображеніе послѣдняго, безъ котораго картина двора Екатерины была бы неполна.

Левъ именемъ — звѣриный царь,
Ты родомъ — богатырь, сынъ барскій;
Ты сердцемъ — стольникъ, хлѣбодарь;
Ты должностью — конюшій царскій;
Твой домъ утѣхой расцвѣтаетъ,
И всякъ подъ тѣнь его идетъ.

Идутъ прохладой насладиться,
Музыкой душу напитать;
То тѣмъ, то сѣмъ повеселиться,
Въ бостонъ и въ шашки поиграть;
И словомъ, радость всю, забаву
Столицы ты къ себѣ вмѣстилъ.....

Что нужды мнѣ, кто, все зефиромъ
Съ цвѣтка лишь на цвѣтокъ летя,
Доволенъ былъ собою, міромъ,
Шутилъ, рѣзвился какъ дитя;
Но если онъ съ столь легкимъ нравомъ
Всегда былъ добрый человѣкъ, —

Хвалю тебя, ты въ смыслѣ здравомъ
Пресчастливо провелъ свой вѣкъ.....

И въ противоположность этому беззаботному баловню счастья выступаетъ И. И. Шуваловъ, этотъ остатокъ другаго времени, этотъ идеалъ просвѣщеннаго и благодушнаго вельможи-покровителя, о которомъ Державинъ всегда говоритъ съ такимъ теплымъ чувствомъ, какъ о своемъ благодѣтелѣ съ дѣтства. Съ равнымъ уваженіемъ за гражданскіе подвиги, хотя и съ меньшимъ сочувствіемъ, изображаетъ онъ Безбородко. И надъ всѣми этими лицами сподвижниковъ или приближенныхъ Екатерины господствуетъ собственный ея образъ, самый разительный и величавый изъ всѣхъ не по одному мѣсту, которое она занимаетъ, но по истинному величію и генію. Никто не понималъ ея такъ высоко, никто не изображалъ ея съ такимъ одушевленіемъ, съ такою поэтическою истиною и наглядностью, какъ Державинъ. Тѣ созданія его, которыя рисуютъ Екатерину, лучше исторіи сохранятъ для потомства прекраснѣйшія стороны ея существа и дѣятельности. Какъ понималъ онъ ее, можно между прочимъ видѣть изъ слѣдующихъ строфъ *Изображенія Фелицы*. Поэтъ проникаетъ въ самыя сокровенныя мысли монархини и слагаетъ «молитву Екатерины Великой», какъ назвалъ это мѣсто Карамзинъ *).

О Ты, Всесильный и Превѣчный,
Который волею Своей
Колеса движешь быстротечны
Вратящейся природы всей!
Когда ты есть душа едина
Движенью сихъ огромныхъ тѣлъ,
То Ты жъ конечно и причина
И нравственныхъ народныхъ дѣлъ:
Тобою царства возрастаютъ,
Твое орудіе — цари;
Тобой они и померцаютъ,
Какъ блескъ вечернія зари.

*) Карамзинъ выписалъ это мѣсто въ альбомъ избранныхъ отрывковъ, поднесенный имъ великой княгинѣ Екатеринѣ Павловнѣ.

Наставь меня, міровъ Содѣтель,
Да, волѣ слѣдуя Твоей,
Тебя люблю и *добродѣтель*,
И зижду счастіе людей:
Да вѣкъ мой на дѣла полезны
И счастье ихъ я посвящу,
Самодержавства скиптръ желѣзный
Моей щедротой позлащу!
Да, удостоенна любви,
Надзрѣнія Твоихъ очесъ,
Чтобъ я за кажду каплю крови,
За каждую бы каплю слезъ
Народа моего пролитыхъ,
Тебѣ отвѣтствовать могла
И чувствъ души моей сокрытыхъ
Тебя свидѣтелемъ звала!

По мнѣнію нѣкоторыхъ критиковъ, Державинъ изображалъ только внѣшнія событія; но, вникнувъ глубже въ содержаніе его поэзіи, съ этимъ нельзя будетъ согласиться. Внѣшнія событія дѣйствительно доставляли поводъ къ его стихотвореніямъ и служили имъ рамкою; но достаточно прослѣдить ходъ его мыслей въ одахъ, посвященныхъ Фелицѣ, Шувалову и Строганову, въ *Вельможѣ*, въ *Монументѣ милосердію*, чтобы убѣдиться, что самое глубокое сочувствіе питалъ онъ къ гражданской доблести правительства, къ духу царствованія Екатерины, къ возникшимъ съ нею либеральнымъ и гуманнымъ идеямъ, которыхъ первымъ изъяснителемъ онъ и явился, какъ одинъ изъ первыхъ людей *того* времени.

Замѣчательно, что Державинъ былъ свидѣтелемъ и пѣвцомъ *двухъ* изъ величайшихъ эпохъ славы Россіи. Онъ видѣлъ дѣла и торжества Екатерины, видѣлъ ужасы и усмиреніе Пугачевщины, славилъ подвиги Румянцова и Суворова, пѣлъ елисаветинскаго министра Шувалова, — и на его же вѣку совершилось наше-

ствіе и паденіе Наполеона, прославился Александръ съ своими полководцами и молодыми министрами. Какіе два различные вѣка, — одинъ съ своимъ грознымъ концомъ, другой съ своимъ свѣтлымъ началомъ,—встрѣтились на глазахъ Державина! При воцареніи Александра талантъ поэта еще не утратилъ всей своей силы, и въ его привѣтствіяхъ молодому царю слышались величавые отголоски лиры, славившей Фелицу. Достойно Екатерины обрисованъ имъ и внукъ ея, котораго Державинъ, уже при рожденіи его, съ поэтическимъ предчувствіемъ нарекъ *человѣкомъ на тронѣ* и котораго роль, какъ примирителя Европы, была имъ предначертана уже при самомъ началѣ войны съ Наполеономъ. Но любопытно, что изъ всѣхъ героевъ Александра типически представленъ имъ только одинъ, Платовъ; кисть его, начертавъ исполинскіе образы екатерининскихъ орловъ, уже не чувствовала силы для новыхъ созданій этого рода. Самъ сознавая это. Державинъ говорилъ въ 1812-мъ году:

И мой ужъ гаснетъ жаръ;
Екатерины муза дремлетъ,
И юнаго царя достойно пѣть
Я не могу: младымъ пѣвцамъ гремѣть
Мои ввѣряю ветхи струны.

Въ другой разъ онъ говорилъ:

Уже, надъ бездной гроба скользкой
Я преклонивъ главу стою:
Тебѣ въ наслѣдіе, Жуковскій,
Я ветху лиру отдаю.

И дѣйствительно, передъ «Пѣвцомъ въ станѣ русскихъ воиновъ» авторъ «Лиро-эпическаго гимна на прогнаніе Французовъ» долженъ былъ казаться какъ бы окаменѣлымъ организмомъ отжившаго міра. Устарѣлый пѣвецъ Фелицы не могъ переродиться: не могъ усвоить себѣ новыхъ, болѣе свободныхъ и изящныхъ

формъ, въ которыя постепенно облекалась поэзія. Но такъ живуча была эта лира, что и посреди слабѣвшихъ ея тоновъ иногда раздавались звуки, отзывавшіеся прежнею силой и величіемъ. Живой памятникъ другаго вѣка, старецъ встрѣчалъ съ недовѣріемъ явленія новой жизни и рядомъ съ *одой*, посвященной громкимъ событіямъ царствованія Александра, является у него *басня*, родъ поэзіи, который онъ разрабатывалъ уже и прежде, но полюбилъ особенно теперь, находя въ немъ удобную форму для протеста противъ того, что видѣлъ вокругъ себя.

Такимъ образомъ разнородныя явленія двухъ великихъ эпохъ отразились различно въ поэзіи Державина, и не безъ основанія нѣкоторые писатели давно называли его поэтомъ-историкомъ своего времени. Теперь, когда литературное наслѣдіе его дѣлается извѣстнымъ во всемъ своемъ объемѣ, историческая сторона его стихотвореній выдается еще полнѣе и разительнѣе. Обставленныя собственными его объясненіями, они становятся живою хроникой эпохи. При совершенномъ почти отсутствіи политическаго элемента въ тогдашнихъ нашихъ періодическихъ листахъ, при недостаткѣ у насъ мемуаровъ и бѣдности анекдотической исторіи, сочиненія Державина, богатыя примѣненіями къ обстоятельствамъ и лицамъ, пріобрѣтаютъ еще не довольно оцѣненное значеніе. Въ этомъ отношеніи особеннаго вниманія заслуживаютъ его посмертныя мелочи, какъ-то: эпиграммы, надписи и т. п., которыя уже имъ самимъ приготовлены были къ печати. Изъ нихъ мы въ первый разъ почерпаемъ разныя историко-литературныя подробности, видимъ отношенія между тогдашними дѣятелями, узнаемъ тогдашніе взгляды на событія и лица, знакомимся короче и съ тѣми вліяніями, подъ которыми находился самъ поэтъ. Съ этой стороны, его сочиненія всегда будутъ представлять обильный запасъ историческихъ данныхъ для ближайшаго изученія его времени. Передъ нами проходитъ въ его стихахъ цѣлая жизнь даровитаго русскаго писателя, тысячами нитей связанная съ жизнью всей эпохи.

И посреди всѣхъ лицъ, ярко начертанныхъ его кистью, съ

особенною выпуклостью выступаетъ его собственный образъ, эта характерная физіономія сына Россіи 18-го вѣка. Державинъ неоспоримо принадлежитъ къ разряду тѣхъ типическихъ лицъ царствованія Екатерины, на которыя мы указывали; къ нему самому, какъ поэту, можно отнести слова, сказанныя имъ въ *Водопадѣ* Потемкину:

Не шелъ ты средь путей извѣстныхъ,
Но пролагалъ ихъ самъ...

Оставляя за нимъ всѣ его слабости и темныя стороны, мы все-таки должны признать въ немъ необыкновеннаго человѣка, который, силой природныхъ способностей и энергической воли возвысившись изъ ничтожества, достигъ вліянія, почестей и славы. Какъ ни полонъ онъ противорѣчій, мы не можемъ не видѣть въ немъ замѣчательнаго въ высшей степени кореннаго Русскаго по воспитанію, быту, уму и нраву. Не смотря на раннее, случайное знакомство его съ нѣмецкимъ языкомъ, ни его молодость, ни дальнѣйшая жизнь не могли привить къ нему ничего иностраннаго. Онъ родился и выросъ въ провинціи, въ приволжскихъ низовыхъ губерніяхъ; обстановка, среди которой онъ развивался, была довольно сходна съ тою, которую недавно такъ искусно и вѣрно изобразилъ намъ покойный авторъ *Семейной хроники*. Во всѣхъ сочиненіяхъ Державина явственно проглядываетъ его глубокое знакомство съ жизнью и языкомъ народа, его давнее сліяніе съ Церковью, его совершенное знаніе славянской Библіи и богослужебныхъ пѣсень. Первоначальная основа воспитанія была у него общая съ Ломоносовымъ; но какъ расходятся за тѣмъ пути ихъ развитія! Классическое образованіе едва коснулось Державина скудными уроками латыни въ казанской гимназіи; ему неудалось побывать въ чужихъ краяхъ. Довольно обширныя историческія и литературныя знанія, которыми онъ насъ нерѣдко удивляетъ въ своихъ сочиненіяхъ, были плодомъ собственныхъ усилій и большой начитанности. Въ Россіи, сравнительно съ другими страна-

ми, богатой автодидактами, Державинъ является однимъ изъ самыхъ блистательныхъ самоучекъ. Вслѣдствіе этого образованіе его представляло конечно много пробѣловъ, но съ тѣмъ вмѣстѣ онъ могъ усвоить себѣ оригинальность, которая, при другихъ условіяхъ, безъ сомнѣнія, не была бы ему свойственна въ такой степени. У Русскихъ не было другаго писателя, который бы такъ отличался чертами творчества, ему одному принадлежащими. Своенравное воображеніе его давно уже оцѣнено; но въ его умѣ было одно свойство, на которое, кажется, еще не обращалось довольно вниманія: это какая-то насмѣшливость или, какъ ее тогда называли, *издѣвка*, которая иногда прорывалась у него посреди самаго торжественнаго настроенія и за которую Екатерина въ душѣ не любила его. Слѣдуя современнымъ литературнымъ обычаямъ, Державинъ хвалилъ; но посреди похвалы онъ готовъ былъ какъ будто невзначай разразиться («брякнуть въ слухъ») какимъ нибудь смѣлымъ словомъ истины *). Это было что-то въ родѣ той юродивости, которая составляетъ отличительное явленіе русскаго народа и которую Ермоловъ находилъ въ Суворовѣ. Это было то, чѣмъ Державинъ особенно гордился, что онъ относилъ къ своему правдолюбію. По ходу всего его развитія, рѣзкія противоположности были неизбѣжны въ существѣ его, и съ угодливостью, какъ чертою тогдашнихъ нравовъ, въ немъ дѣйствительно соединялась правдивость, выработанная собственнымъ его характеромъ — источникъ множества невзгодъ, постигшихъ его въ жизни. Итакъ чисто-русская натура, выразившаяся въ поэзіи Державина хотя со всѣми недостатками вѣка, его свѣтлый сатирическій умъ, его пылкій нравъ, его здравый смыслъ, чуждый всякой болѣзненной сентиментальности и холодной отвлеченности, наконецъ его изумительно-могучее и яркое воображеніе — вотъ что составляетъ сущность его таланта и всегда останется достойнымъ изученія.

*) См. напр. 19-ю строфу оды *На Мальтійскій орденъ* и разныя мѣста въ одѣ *На миръ 1807 года*, которая въ первоначальномъ видѣ не могла быть напечатана.

Все это придало поэзіи Державина жизненность, которой вовсе не было у его предшественниковъ. Изъ предѣловъ какой-то безпочвенной и безформенной области витіеватыхъ возгласовъ онъ свелъ поэзію въ міръ осязательной дѣйствительности и жизни; Ломоносовскіе земные боги еще остались по прежнему на сценѣ, но они явились у Державина съ людскими страстями и заговорили языкомъ человѣческимъ. Это былъ уже важный переходъ къ той простотѣ сюжетовъ и формъ, которою ознаменовался слѣдующій періодъ нашей поэзіи. Удаленіе Державина отъ школы, его влеченіе къ непосредственной жизни, его практическій смыслъ были первымъ началомъ всего возрожденія русской литературы. Отсюда уже ясно, какъ неправы тѣ, которые утверждаютъ, будто онъ не имѣлъ никакого вліянія на дальнѣйшія судьбы нашей поэзіи. Но Державинъ не только подалъ примѣръ сліянія поэзіи съ жизнью: онъ же первый, въ эту эпоху, сталъ вводить въ русскую поэзію народность, которой начатки мы встрѣчаемъ только у Ломоносова. Народность явилась у Державина частью въ характерѣ его воззрѣній на природу, человѣка, общество, церковь, въ духѣ его сатиры и шутки, частью въ изображеніи имъ разныхъ сторонъ русскаго быта, наприм. въ *Кружкѣ*, въ *Фелицѣ*, въ одѣ *на Счастье*, въ *Похвалѣ сельской жизни*, въ посланіи къ Платову. Но народность выразилась также въ языкѣ Державина. Не смотря на частую неточность и даже неправильность его оборотовъ, на встрѣчающееся также нерѣдко небрежное обращеніе его съ формами языка, рѣчь его замѣчательна, во-первыхъ, своимъ поэтическимъ достоинствомъ, во-вторыхъ, чисторусскимъ складомъ, обиліемъ выраженій и словъ, заимствованныхъ изъ простонароднаго быта, наконецъ умѣстнымъ употребленіемъ пословицъ и поговорокъ и заимствованіями изъ русской сказочной и пѣсенной литературы. Черты народности, которыми богата поэзія Державина, всегда будутъ привлекать къ ней вниманіе и сочувствіе потомства.

Но что̀ еще болѣе обѣщаетъ прочности его славѣ, это тотъ великій нравственный и общественный идеалъ, который онъ по-

стоянно стремится создать предъ своими согражданами. Его ода *Властителямъ и судьямъ*, циклъ одъ, изображающихъ *Фелицу*, *Вельможа*, далѣе первыя оды Императорамъ Павлу и Александру были для своего времени гражданскими заслугами. Въ одѣ *Властителямъ и судьямъ* онъ именемъ совѣсти и Бога взываетъ ко всѣмъ земнымъ властямъ вообще. При чтеніи *Фелицы* сама Екатерина прослезилась и спросила, кто бы могъ такъ хорошо знать ее: не значитъ ли, что поэтъ уяснилъ ей самой идеалъ, который она стремилась осуществить собою? Какъ ей, такъ и двумъ ея преемникамъ, онъ, въ видѣ похвалъ, часто давалъ смѣлые совѣты, выражалъ общественныя желанія, начертывалъ какъ-бы программу достойной монарха дѣятельности. Самъ онъ считалъ своею задачей:

Блаженству общему радѣя,
Уроки для владыкъ гремѣть.

Въ *Вельможѣ* онъ противополагаетъ могущественнымъ въ то время Зубову и Самойлову бывшаго долго въ немилости Румянцова и ставитъ его всѣмъ власть имѣющимъ въ примѣръ скромной доблести. Но трудно было бы исчислить всѣ тѣ оды, въ которыхъ онъ, по словамъ Гоголя, усиливается начертать образъ крѣпкаго мужа правды, закаленнаго въ дѣлѣ жизни и борьбѣ, и этому идеалу умѣетъ онъ всегда придать черты того величія, о которомъ мы уже говорили. Что намъ нужды до того, что самъ онъ на дѣлѣ не вполнѣ осуществилъ этотъ идеалъ? Не онъ ли же говоритъ про себя:

Падалъ я, вставалъ въ мой вѣкъ.
Брось, мудрецъ, на гробъ мой камень,
Если ты не человѣкъ!

Довольно, что въ минуты вдохновенія онъ служилъ великимъ идеямъ человѣчества съ такимъ жаромъ, какого мы не замѣчаемъ ни у кого изъ другихъ поэтовъ. Силою своего исполинскаго вооб-

раженія, своей яркой мысли и рѣзкаго слова онъ переноситъ насъ въ тотъ высшій нравственный міръ, гдѣ умолкаютъ страсти, гдѣ мы невольно сознаемъ ничтожество всего житейскаго и преклоняемся предъ величіемъ духовнаго закона. Таково содержаніе главныхъ одъ Державина: не смотря ни на какія измѣненія временъ, ни на какіе успѣхи просвѣщенія и языка, образцы имъ начертанные не померкнутъ, и до тѣхъ поръ пока идеи Бога, безсмертія души, правды, закона и долга будутъ жить не пустыми звуками на языкѣ русскаго народа, до тѣхъ поръ имя Державина, какъ поэта, не утратитъ въ потомствѣ своего значенія.